

Федор Абрамов

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

«ПРАВДА ВООРУЖАЕТ ДЛЯ ЖИЗНИ»

Федору Александровичу Абрамову в эти дни исполнилось бы 65 лет. Он был из тех писателей, для которых мнение читателей всегда являлось чрезвычайно дорогим. Он получал много писем, искренних, острых, и неутомимо отвечал на них. О том, что значили для него читательские письма, он рассказал однажды сам, выступая в Ленинграде на авторском вечере 21 января 1976 года, после присуждения ему Государственной премии СССР. Публикуется выступление впервые в сокращенном виде.

Лауреатское житейе принесло мне много новых забот, суety. И прежде всего это письма. Философски можно по-разному относиться к ним. Я вырос в крестьянской среде, где совесть — алфа и омега, и я всегда отвечаю на письма. Но письма еще не самое трудное. Интервью, выступления, встречи. А для этого необходимо время, это отвлекает от работы. Кто-то может писать при громе пушек. Мне нужен душевный покой, душевная тишина, погружение в мир героев...

А с другой стороны, встречи — твоя гражданская обязанность, отказать нельзя. Но и нельзя почивать на лаврах. Я спрашиваю себя: ты не зазнался? Как решить, что важнее — твоя писательская работа или чисто человеческое отношение к людям? Эти вопросы для меня не решены.

Много ли я получаю читательских писем? Письма не получаю тысячами, но получаю достаточно много. Письма бывают очень интересные. Письма вообще вещь серьезная. Их не публикуют. «А. Твардовскому», «Письма к Л. Толстому». Мало таких работ. А они многое протривали бы в читателе и писателе. Что за люди? С какими вопросами обращаются? Можно судить об интеллектуальном и культурном уровне читателя. Это картина нашей духовной жизни. Писателю пишут люди неравнодушные, активные и в эмоциональном, духовном, интеллектуальном плане. И они конденсируют духовную энергию нации.

Александр Твардовский очень ценил письма-исповеди. Таких писем-исповедей я получаю много. На них надо обратить внимание — для потомков материал неоценимый.

Особая категория писем — деловые. Радостные и трудные. Письмо Ч. из Архангельска, просит: «Заступитесь за северные архангельские леса. Вы все можете...» Вопрос о лесе очень важен. Помню, на семьсот верст звепели сосняки. Теперь таких сосняков нет. Трудно найти лес для дома — это в краю лесов, в краю корабельных рош. Карелия как поставщик леса почти выбыла из строя. Словом, вопрос о лесе — очень трудный вопрос. «Литературная газета» писала, но дальше писем дело не идет. А лес все стреляется и истребляется.

Существуют две точки зрения. Одна: лес самовозобновляется. Рубите — не страшно. Точка зрения профессора Алучина. Огоропь берет. Туандра все больше и больше наступает на нашу страну с Севера. Это может обернуться изменением климата. Арктические ветры хлещут с Севера до Черного моря. Россия будет дрожать на сквозняке.

Что делать? Писатель не может не вмешиваться. Гражданин. Я вынужден был включиться в переписку.

Или другой вопрос: русское деревенское зодчество. Пишет инженер-металлург, но по призванию — искусствовед. Объехал весь Север. Заонезье сравнивает с Кижам.

Русское зодчество, русские храмы — ни с чем не сравнимая красота. Я бывал на Востоке, в Японии, на Западе, во Франции, видел собор Парижской Богоматери, святую Капеллу...

Но и у нас в деревянном краю расцвело свое чудо, которое повергает даже в больший восторг. Как одним топором сделали такую красоту? Что это за люди? Какая была у них душа, поэзия, как они взыскуют града духовного! Гибнут эти церкви, спасать их трудно. Практическая реализация этих проблем нелегка. Даже среди людей, занимающихся наукой, бытует мнение: культовые сооружения, кому они нужны?.. Приходится им доказывать, что во все времена все народы в культовые, а не в гражданские сооружения вкладывали свою душу. Это — не культовые сооружения, а памятники красоты, духа, гения народного. Это вопрос о сохранении нашей национальной культуры.

Как лауреат, считают, я все могу. Конечно, что-то я делаю, но мало удается добиться.

Еще один тип письма — от так называемых прототипов. Переписка с «героями» моих произведений.

Я как писатель связан с Пинегой. И оттуда мне пишут. Население большое. Но все знают друг друга. В этом есть свои трудности — чего не было, не напишешь. Надо стоять на почве достоверности. Это моя ошибка, что связал место действия с Пинегой. Ограничил свои возможности.

Разговор о прототипах, разговор с земляками — сложная проблема. Земляки меня тоже учат. В 1963 году в «Известиях» написали письмо «Куда зовешь нас, земляк?». В этом письме читатели эстетически чуть ли не образованнее меня были. Грустно и смешно.

Письма от «героев» — взаимоотношения с жизнью. Я всегда стою на почве достоверности. Земляки ищут в моих книгах — с кого? где? Иногда — любопытно, иногда — досадно. Просто от нечего делать обсуждают, кого он там опять «пропечатал».

Но должен кое-что и уточнить. Например, ничего общего у того, кто считает себя прототипом Михаила Пряслина, нет. Он резкий, крутой, упрямый, не отягчен совестью, ласков, где надо. Но биография у него Михаила Пряслина. Хотя по биографии Михаила узнают много себя и родственников. Очень много писем, где рассказывают, как потеряли отца и жили, как Пряслины.

С Пелагеей у меня переписки не было. С ней были очень сложные отношения. Екатерина Макаровна Абрамова-Ставрова — безупречна в нравственном отношении, человек патриархальной нравственной чистоты и строгости. Пекарка — поэт своего дела. Очень сложная судьба, в которой преломилась биография страны. Она не могла согрешить в отношении мужа. А моя Пелагея добивается хлебного места, не совсем хорошо себя ведет по отношению к «нужным» людям.

А Макаровне рассказали, что ославил тебя Абрамов на весь мир. Встретилась мы, и она начала мне пенять: как тебе не совестно... И сколько я ни убеждал ее, ничего не смог сделать, не смог убедить ее, что не ее биография у моей Пелагеи.

Анфиса. Основа этого образа соотнесена с бывшей председателем колхоза в нашей деревне. В 1942 году я был вывезен из блокадного Ленинграда и оказался в родной деревне. Там я и увидел молодую председателю...

Подрезов тоже списан с реального лица. Комаров Николай Адриянович. Сейчас разбит параличом. Фигура для своего времени удивительная. Два-три класса образования. Но таких ораторов я больше не слышал. Он говорил о капитализме, о буржуазии в 30-е годы. И с каким накалом страсти. В него влюблены были все бабы. Он командовал бабами, да, да, бабами... В войну одни бабы работали да подростки. Голодные, на сосновой каше сидели. И вот этот человек командовал бабским фронтом — вторым фронтом. Они по только справлялись с этой работой, они делали больше.

Бабы сила, не утешная никакими стратегами, поднялась из недр России, и это был второй фронт. Комаров командовал этим фронтом. С ним у меня хорошие отношения. Крутой, сильный, пять суток мог не спать, а я на фронте в снегу засыпал.

И вот Комаров горлом, словом прожигал баб. Ничего другого у него не было. Кроме глотки, окрика, у него не было никаких материальных стимулов.

Поначалу критика не приняла Подрезова — очередное очернительство Абрамова. На самом деле это человек талантливый, самородок, огромной нравственной силы. Мне казалось, что мне удалось запечатлеть партийного работника той поры — жесткого, но не жестокого. А мне говорили: слишком сгустил краски...

Не все, разумеется, взято от Комарова, но многое от него. В двадцать лет председатель коммуны, в десять лет вытаскивал рамы у верстака.

И вот Комаров прислал мне письмо: прочитай роман, все правдиво, одно неприятно — вы не в полный голос говорите о бедах того времени. Все было круче, сложнее, жестче. И я вам тоже немного прикрасен — красивый и хороший. Я был живее и хуже.

Я так подробно об этом говорю, ибо речь идет о правде в искусстве. Почему вопрос о правде важен? Это не теоретический, но практический вопрос. У нас есть недостаток в жизни. Идеализировать не надо. Писателей иногда упрекают в очернительстве. Мы делаем нехорошую услугу народу, когда замалчиваем трудности. Много сделано за пятiletки, за войну, после войны. Как писать? Не в полную силу нельзя писать. Это безнравственно по отношению к России, народу. Силу можно показать, когда говоришь по весь голос. Правда всегда оптимистична. Вопрос о правде не дискуссионный. Правда вооружает для жизни.

Публикация

Л. В. КРУТИКОВОЙ-АБРАМОВОЙ.